

Михаил Кольцов
ТРИ ДНЯ В ТАКСИ

Промозглая предутренняя сырость. Сумерки и густой туман вдоль реки. Звенят льдинки по лужам у гаража на Крымской набережной. Тряские полкилометра до Большой Полянки. И вот уже нанимает меня первый пассажир.

Высокая старуха с поклажей машет у переулка.

— К Ярославскому вокзалу не довезешь ли? Все извозчика не дождусь. Я тебе хорошо заплачу, товарищ.

— Извозчика вам долго ждать придется. Вывелись в Москве извозчики. Садитесь, тетушка.

— Я уже не тетушка. Бабушка я. Ничего, сама уложу вещички. Ты не отлучайся от машины. По правде говоря, я на машине в первый раз еду.

Для таксийного шофера редкая удача — получить пассажира с утра, по пути к вокзалу. Почти всегда до стоянки в этот час приходится катить на холостом ходу.

Пустые улицы. Столица тиха. Мы мчимся ветром.

— В Ярославль собрались?

— В Ярославль. У меня внук на Резиновом заводе служит. Родители совсем на него внимания не обращают; у них, правда, свои заботы. А я посвободнее, хочу устроить ему бытовой образ жизни. Скрипку вот везу.

— Играет на скрипке?

— Никогда не играл. Да мало ли что. Я ему в свободную минуту подложу — он и заиграет.

Лихим поворотом мы причаливаем к подъезду вокзала. Почтительно выгружаю бабушкину скрипку. На счетчике — пять рублей ровно. Старуха довольна и пробует совать серебро на чай. Встретив отказ, она прощается дарственно милостивым кивком головы.

Туман стал реже и желтее. Трамвайные поезда грохочут через площадь. После метростроевских заборов она непривычно просторна. Дневная суতোлка еще не разгорелась. Три вокзальных жерла только начинают свое занятие — накачку и выкачку в столицу сотен тысяч людей.

Соседний подъезд зачернел публикой. Пришел ранний ленинградский поезд. Я стану с машиной там.

Редко кто из приезжающих ищет глазами такси. На них не рассчитывают. Народ жадно мчится к трамваям и автобусам, бежит с багажом в руках за желанными номерами. Через полгода большая часть потока будет поглощаться широкой и вместительной воронкой метрополитена. Надо бы потом пристроить Подземные переходы прямо из вокзала в метро — как на Гар де ль'Эст в Париже, на Фридрихштрассе в Берлине. Это необычайно поможет пассажирам: не надо будет тащиться кружным путем через улицу, путаясь в потоке экипажей. И площадь будет куда свободнее.

Наконец молодой военный, со взводным квадратиком в петлицах, встретившись со мной взглядом, машинально спрашивает:

— Свободен?

— Свободен, товарищ командир.

Юное лицо розовеет и тут же слегка смущается.

— Сколько приблизительно обойдется проехать с багажом за Бородинский мост, в район Киевского вокзала?

— Рублей восемь. За багаж мы отдельно не берем.

— Отлично.

Командир подсчитал силы, принял решение и отдал приказ:

— Берите направо! Теперь заворачивайте вон туда, по кругу! К фонарю, где стоит гражданка с корзиной! Стой! Вот так. Анюта, это такси, оно ездит по счетчику.

В гражданке Анюте я успел заметить только васильковые глаза и приоткрытый нежный рот. Дальше она исчезла за моей же спиной, и это непоправимо. Лозунг «лицом к пассажиру» на шоферов не распространяется ввиду угрозы его для безопасности движения.

— Вы не смогли бы подождать несколько минут? Хочу взять вещи из багажа. Чтобы второй раз не ездить на вокзал.

— Слушаюсь, подожду.

Для этой милой пары я готов ждать сколько угодно, но вот беда — уже включил счетчик. И он, окаянный, тикает. Он тикает, тикает и вытиктакивает гривенник за гривенником, как орехи щелкает. Командир сорвался вихрем, но знаем мы эту выдачу багажа после поезда. Учел ли мой взводный, что стоянка тоже оплачивается?

В ответ на вежливые расспросы Анюта тихим голосом рассказывает мне в спину, что в Москве — впервые. Переезжает к мужу по месту его работы; жить, конечно, будет интересно, да как-то непривычно в таком большом городе; и потом, говорят, здесь, в Москве, денег всегда больше уходит... Дьявольский счетчик между тем уже подобрался к первому рублю. Прямо сердце болит. Я бы совсем выключил его и начал сначала, но пассажирка может что-нибудь заподозрить в этих маневрах. Еще примет за жулика...

На рубле двадцати командир возвращается. Он явно изнемогает под тяжелой ношей. Поехали.

— Ты знаешь, здесь такси найти — что двести тысяч выиграть. Прямо самому не верится... Вот видишь, это дом Госторга. Громадный дом, недавно построен. А вот еще строится, видишь, на ножках стоит, без фундамента. Это Наркомлегпрома. Под домом стоянка для автомобилей. Замечательно! А это Лубянская площадь, сейчас Большой театр будет.

Себе в убыток я везу новых москвичей черепашьям шагом, как автокар интуриста. Товарищ взводный рассказывает и показывает товарищу Анюте ширь новых проспектов, мощь небоскребов Охотного ряда, почетные колонны университета и Ленинской библиотеки, строгое военное здание на Знаменке и раскатанную гладь Арбата.

За Бородинским мостом командир возобновляет руководство.

— Двигайтесь прямо, по Можайскому шоссе! Так, правильно. Теперь берите налево, через бульвар. Первая Извозная улица. К этим новым домам. Вы на согласитесь ли въехать во двор?

Едем по двору, по глубокой, густой грязи, облипающей новые жилые корпуса. Стали у крылечка.

— Вот так. Спасибо, товарищ. Сколько с нас?

— Девять тридцать. Вынимает червонец.

— Не надо сдачи. Возьмите себе.

— Отчего же! Мы чаевых не берем. Семьдесят копеек вам. Сию минутку.

Но семидесяти копеек нигде в карманах не находится. Теперь моя очередь смутиться.

— Сейчас сбегая, разменяю. Или, может быть, у вас дома найдется мелочь?

— Ну что вы, товарищ! Пустяки. Оставьте себе.

Бросив ободряющий взор, он исчезает. Пришлось-таки получить семь гривен на чай от красного командира! А я еще собирался субсидировать его...

Впрочем, семьдесят копеек пошли не очень впрок. До ближайшей стоянки приходится плестись порожняком почти два километра.

Едешь и ловишь себя на том, что совсем иначе обращаешься с этой машиной, чем когда сидишь за рулем учрежденского автомобиля.

Если вы вышли из дому в аккуратных, крепких, начищенных до блеска сапогах, вы будете четко ступать по земле и обходить грязь... Если же на вас старые, разношенные чеботы с рыжими голенищами, на кривых каблуках, вы безмятежно и даже с упоением будете шлепать по лужам, а вернувшись, поленитесь соскоблить глину с подобной обуви.

По шоферской путевке я получил из Первого московского таксомоторного парка машину не старую и не плохую, форд-лимузин американского производства. От роду ему не больше двух лет, но во что он превратился! Поршневые пальцы и толкатели резко стучат в моторе. Аккумулятор — на последнем вздохе, надо всегда держать наготове ручку для заводки. Тормоза или совсем не берут, или прилипают целой колодкой к барабану. Гудок прерывается, как хрип умирающего. Один фонарь слепой, другой слепнет каждую минуту. Спидометр вырван с мясом. «Дворник» (снегоочиститель) давно исчез, и через каждые несколько минут приходится становиться, чтобы протирать стекло снаружи тряпкой. Ну, а внизу, кругом — все безнадежно дребезжит, гремит, грохочет,— не автомобиль, а расхлябанный по проселкам дедовский тарантас. Как ни едешь, все равно лязг и звон. Все равно после смены придется подтягивать все винты. Так уж лучше поторопиться. И машину пускают вскачь по ухабам, по лужам, не стесняясь и не щадя.

Равнодушные, обезличка в полгода превращают новенькую машину в развалину. А с развалиной и подавно перестают церемониться.

Теперь стою у Киевского вокзала, жду экспресса. Ждать остается долго. Но только я размечтался о новых приезжих пассажирах, как один уже влез в такси. И вовсе не киевлянин. Московский поджарый гражданин, в каракулевом кепи, с повелительным голосом.

— На Варварку! Хотя нет, сначала на Сивцев Вражек.

Гражданин молчит и только один раз делает сухое замечание:

— Езжайте тише! Не бойтесь, вы свое заработаете.

И в самом деле, гражданин задает мне работу. Заполучив такси, он не так легко выпустит его из рук.

На Сивцевом пассажир исчезает в воротах и через четверть часа выходит со всей семьей.

— Давайте сначала к Калужской заставе!

У заставы выпархивает жена. Потом мы едем на Земляной вал. Ждем. Оттуда — на Долгоруковскую. Ждем. В купе вполголоса обсуждают какую-то склоку...

Стоп. Свисток. Милиция. Проехал желтый сигнал светофора.

— Не видишь, что ли? А еще очки надел. Что? В первый раз? Знаем — все вы в первый раз. Платите пять рублей.

Московские шоферы в большой ярости на милицию уличного движения. Штрафуют их строго и нещадно, за малейшее нарушение. Но не в этом, по-моему, недостаток отдела регулирования.

Штрафовать, конечно, приходится. Без этого московские шоферы, и без того довольно беззаботные, развинтились бы совсем. Беда в том, что некоторые постовые превращают штрафования в свою единственную обязанность по отношению к автотранспорту. Шофер должен чувствовать, что милиция не только воюет с ним за правила, но и помогает ему, звонит в гараж при поломке, заботится о посыпке скользких мест, строго удаляет с мостовой пьяных и ребятишек. А вот на центральном перекрестке, у памятника Пушкина, в страшную гололедицу, когда все машины заносит щепкой, милиционер занят только собиранием рублей. Не лучше ли бы раздобыть немного песку?

Или: машина идет быстрым ходом, и почти перед самым ее носом постовой внезапно вздумает дать желтый свет. Очень трудно остановиться. А с другой стороны машина только еще показалась на горизонте.

Или на Арбате: милиционер оштрафовал на пятерку, а у меня было целых тридцать рублей. И чужак пошел их разменивать; сходил в аптеку — не разме- нял; сходил в

кооператив — не разменял; пошел в кафе — разменял наконец и, довольный, опять вернулся, отсутствовав на посту четырнадцать минут. Мало ли что могло случиться здесь за это время!..

С Долгоруковской гражданчик командует мне на Усачевку. С Усачевки, после ожидания, на Никитскую. Под конец проехали Проломные ворота, и в Зарядье, расплатившись, гражданчик нырнул в дверь парикмахерской.

Этот наезд был на двадцать четыре рубля. Ф-фу-у... Надо пообедать.

Ранние сумерки спускаются на Москву. Столица загорается миллионами огней. Пестры неоновые рекламы на площадях. Грозно мигают светофоры. Громадные потоки людей переполняют улицы. Нет города в Европе, производящего впечатление большей многолюдности, чем нынешняя Москва. Даже в Париже на Больших бульварах, даже в Лондоне у Пикадилли-Сэркус нет такого обильного и оживленного многолюдства.

В этом кипящем людвороте советской столицы такси нужны, они нужны немногим меньше, чем трамваи и автобусы. Таксомотор давно перестал быть роскошью для московского трудящегося. Он стал необходимым удобством, которое экономит не только время, но и деньги. Недавно в газетах с гордостью сообщалось, что от четырнадцати тысяч московских извозчиков осталось только четыреста. Очень приятно, но где замена?

В городе прибавился миллион жителей, подвижных, непоседливых, бойких. Это не прежние сонные старожилы, годами сидевшие по задним дворам. Эти живут, эти ездят! Они отбывают и прибывают в командировки, на новостройки, они переделывают самую столицу и собственную свою жизнь, каждодневно обзаводятся новым имуществом и возят к себе домой.

По тарифу такси сейчас в три-четыре раза дешевле извозчика. Даже в театр, если поехать вчетвером, выйдет не дороже, чем в автобусе. Но по громадной трехмиллионной столице бегают меньше пятисот такси. Минус сотня, закрепленная за учреждениями. Минус ремонтируемые. С такой горстью, пожалуй, возмечтаешь об извозчиках! Москве нужны на следующий год, худо-бедно, полторы тысячи таксомоторов. Цифра вовсе не страшная, ее даст автопромышленность. Но вот беда — нет гаражей. Автогаражное строительство Московского Совета печально хромает. На тридцать пятый год запроектирован только один таксигараж на пятьсот машин. Этого мало! Во что бы то ни стало два гаража потребуем от нового состава Моссовета.

К Главному телеграфу подошла взволнованная семья.

— К Белорусскому вокзалу. Только, пожалуйста, поскорее. На поезд опаздываем.

Мать и взрослая дочь, очевидно, уезжают. Сын, молодой человек, провожает, и при этом мертвецки пьян.

— Э-уа-уа-увася!.. Увася где?.. Ува-ася!..

— Петя, сиди тихо. Васи твоего нет. Мы с Ниной едем на вокзал, видишь сам.

— Нина? Зна-еем... А п-почему она молчит?

— Она не молчит, она волнуется, что мы опоздаем на поезд.

— В-волнуется? Н-ну и правильно! А Ува-вася куда пропал? Мне тут неудобно лежать! Я на Усачевку хочу.

Надо бы сдать Петю на попечение милиционера, но жалко задержать уезжающих женщин. К вокзалу мы прибываем за две минуты до отхода. Пассажиры исчезают, оставив пьяного расплачиваться. Не так легко высвободить такси от Пети. Он к тому же словоохотлив и лирически настроен.

— Ск-колько, говоришь? Рубль сорок? На, дружок, бери трояк... Какая сдача, что ты, милый, ш-шу-тишь? Плевал я на твою сдачу, б-болван! Ну, бери, умоляю. Вот на колени перед тобой становлюсь. Это тебе не буржуй дает, а твой же брат-товарищ! Загордились, сволочи, от своего товарища на чай не берут! Мне твое лицо симпатично, скажу откровенно... А У-ув-вася — подлец... Ты меня повыше бери, а то я боюсь щекотки!.. А то,

может, на Усачевку поедем? Хороший ты человек, простой! Совсем как я. Постой, разве ты тут не останешься?!

Пьяный пассажир — сущий клад для шофера-рвача. Пьяных возят «на старика», то есть при посадке не выключают со счетчика сумму предыдущей поездки. Их обсчитывают или просто выгребают все из доверчиво растопыренного бумажника. Впрочем, бывают и убыточные пьяницы. Ничего не заплатит, забудет все на свете и еще съездит по уху шофера.

С утра — у того же вокзала. Мое задрипанное такси скромно жметя у шикарных «роллс-ройсов» с дипломатическими флажками. Прибыл варшавский поезд. Суетня с носильщиками, чемоданами и гидами. Мне досталась тяжеловесная зажиточная американская пара.

— Ты сосчитал багаж, Фрэд?

— Три раза. Все-таки надо было дать кондуктору на чай. Смотри-ка, здесь совсем не холодно.

— Однако закутайся покрепче. Напрасно мы завтракали в вагоне. Ведь сейчас по расписанию будет второй завтрак.

— Перестань с этой экономией, Молли. Я тебе сказал, что ни в чем не буду себе отказывать. Что это значит: пектопан? Вот уже четвертый раз на вывеске?

— Здесь ведь другой алфавит. Это, наверно, значит по-русски ресторан.

— Ты всегда догадываешься раньше моего! Полисмены здесь неплохи. Смотри, гастрономический магазин! Булочная... А говорили, что... Но вот все-таки очередь. Целый хвост... Молли! Честное слово, хвосту киоска за газетами. Хорошенькое дело! Тынк оф дэт!

— Тебе, наверно, показалось.

В бывшем Охотном ряду пассажиры оживляются и, приотворив дверцы, задирают головы на новые здания.

— Оу, зэт'с файн!

У «Метрополя», после уплаты за проезд, Фрэд долго роется в кошельке, переполненном монетами разных стран. Протягивает наконец тридцать польских грошей. И, встретив отказ, смущенно исчезает в дверях отеля.

Опять пассажиры, еще и еще.

Двое узбеков набрали всякого добра в Центральном универмаге и едут в гостиницу.

Девушки с «Шарикоподшипника» везут свернутые в трубку чертежи.

Тройка озабоченных людей тащит сложенные в узел флаги для избирательного собрания и гипсовый бюст.

Хозяйка перевозит ручную швейную машину.

Старый рабочий купил стул.

Куда-то на выставку перевозят небольшую модель электрической машины...

Многое из этой поклажи я, по инструкции, не вправе возить.

Но инструкция по перевозке багажа на такси составлена узко и придирчиво. Инструкция — это только повод для мелких взяток за ее нарушение. Шофер сначала покуражится, потом везет ручную машинку и получает за это усиленные чаевые. Вообще, как заискивают московские пассажиры перед сердитым, насупленным, развалившимся на сиденье шофером! Как обхаживают эту мрачную небритую личность! Уже дворники у нас давно куда опрятнее, вежливее, чем шоферы столичных таксомоторов. Почему бы им, кстати, не приодеться? Если Автотрест не может еще завести форму, пусть пока выдаст хоть фуражки приличного образца.

Опять вечер, ночь, и опять пьяные. Но не чета вчерашнему простодушному Пете. Теперь это осколки какой-то неудавшейся великосветской вечеринки.

— Как хорошо, что мы от них удрали! И с такси повезло. Куда же мы направимся? Тамара, отдавайте приказы!

— Ну, куда же? Сама не знаю. В «Национале» были вчера... в «Гранд-отеле» — третьего дня. Может быть, к Илье Карловичу? У него всегда коньяк и новые пластинки. Но я уже не способна сегодня танцевать.

— Бедное дитя! Оно уже не способно. Шофер, свежи куда-нибудь в веселое местечко! Ты, наверное, знаешь что-нибудь такое. Раньше шоферы всегда знали.

— Могу свезти на поля орошения подышать воздухом. Или в анатомический театр — там открыто всю ночь.

— Но-но-но! Тоже остряк нашелся! Твое дело — возить, а не острить. Скушный город — эта твоя Москва! Раньше веселее была. И шоферы услужливее были по ночам!

Опять утро. Везу из банка артельщика с заработной платой на завод. Потом с завода — мастера за манометрами. Обрато на завод — мастера и манометры. Потом роженицу с нервным мужем. Потом музыкантов из студии Станиславского — по домам. Потом непонятная личность с сибирским котом в руках.

Два юных прожигателя жизни, лет по четырнадцати, подрядили меня с Пушкинской площади на Арбатскую. Очень нервничали из-за счетчика. Однако сумма получилась скромная, даже предложили на чай. Но пакетик из купе пропал...

Забыл сказать: в последний день я сделал маленький опыт. Положил на заднее сиденье пакетик в газетной бумаге. В пакетике были: ключ, сапожная щетка, два яблока и «Записки охотника» Тургенева.

Четыре клиента пакета не тронули. Артельщик его даже не заметил: видно, нервничал с деньгами. Мастер по пути с завода шелестел свертком, изучал содержимое; на обратном пути просунул в окошечко: «Возьмите, кто-то забыл». Роженица с мужем не заметили. Музыканты остряли насчет пакета, потом приказали мне передать его в милицию. То же и личность с котом в руках. А вот молодые люди — те слизнули пакет гладко и бесшумно.

Бежит под колесами столичная земля то темной гладью асфальта, то тряской зыбью бульжной мостовой. Станный, сложный город, замечательный город... И что в нем самое удивительное, чего не встретишь ни в одной столице мира,— нет противоречия между центром и окраинами, нет разницы в публике на главных улицах и за заставой.

Конечно, в Москве есть еще несметное число захолустных углов, грязных проездов, провинциальных тупиков. Но только углубишься в такую извилистую переулочную кишку, только вообразишь себя в медвежьем захолустье, и опять за поворотом — новые мощные здания, снопы света, просторные витрины универмага, кипучая столичная жизнь. Единственный мировой город, который не имеет дна, уголовных трущоб, город без очагов нищеты и проституции, лагерей безработных, без неравенства, большой город без трагических «гримас большого города»!

Последних своих пассажиров я забираю после ночного сеанса кино. Не пассажиров, а пассажирок, рабочих девушек, и целых пять. Число незаконное. Но так долго и весело упрашивают они довести всех пятерых к «Каучуку»,— ладно, пойду на это преступление. Все равно мне уж завтра не сидеть за рулем такси.

— А как она ему перцу задала, когда он завел про щечки!

— А все-таки научилась стрелять из пулемета. И Петьку полюбила!

— Попробуй не полюби такого... А как Чапаев ее чай позвал пить!

— А как они все вместе песни пели! Товарищ шофер, можно нам спеть?

— Смотря что. Скушную не разрешу.

— А «Конь вороной» можно?

— Ну, это, пожалуй, и я с вами спою.

— Смотри, пожалуйста, какой бойкий выискался... Веселый город — Москва!